

О древности гуслей свидетельствует их использование в различных ритуальных церемониях и культовых обрядах, а также упоминание о них в различных источниках начиная с X в.

2. Гусли прошли длительный путь совершенствования от простейших форм музыкального лука до сложного в конструктивном и музыкально-выразительном отношении инструмента. В изготовлении гуслей и исполняемых мелодиях отразились художественный вкус народа и национальные традиции. В настоящее время гусли широко используются в семейном и общественном быту в качестве сольного инструмента, а также в составе различных ансамблей.

3. На всей территории Среднего Поволжья бытовали шлемовидные гусли, различавшиеся главным образом конструкцией верхней деки: гусли с цельной и составной верхней декой. Встречались и другие, менее значимые конструктивные особенности. Бытование однотипных инструментов зафиксировано у различных народов, живущих по соседству или чересполосно друг с другом, что свидетельствует об их длительных культурно-бытовых контактах.

Д. Л. Бродянский

**СТРЕЛОК КАДО И БОГИНЯ АМАТЭРАСУ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НЕОЛИТИЧЕСКИХ СКУЛЬПТОРОВ
(два опыта соединения мифологических
и археологических текстов)**

Монументальные и портативные формы первобытного искусства: петроглифы, скульптура, личины-маски и личины-рельефы, пластины-чуринги, зернотерки с рисунками, орнаментированная керамика и штампы для нанесения орнамента, наворачивающиеся диски с ритуальными знаками и множество других предметов заключают в себе систему образов и знаков, не поддающихся, на первый взгляд, адекватному прочтению и дешифровке¹. При изучении живых культур этнографы обращаются к информаторам и фольклору.

Археологи также используют фольклорные тексты, чаще всего записи мифов (достаточно здесь упомянуть регионально наиболее близкие нам работы В. Е. Ларичева, В. В. Евсюкова, М. Д. Хлобыстиной, Я. А. Шера). Ввиду фрагментарности соответствующих археологических источников и большого хронологического разрыва неизбежно при этом возникает проблема адекватности и корректности реконструкции. Автор попытался сопоставить два мифологических текста с неолитическими памятниками на Дальнем Востоке.

В интересующем нас регионе опыты подобной реконструкции предприняли А. П. Окладников и А. П. Деревянко². Все они связаны с дешифровкой монументальных рельефов-святилищ—петроглифов Нижнего Амура и Уссури. Фиксируется космогонический миф о лебедях, первых людях, трех солнцах и стрелке-первочеловеке, сбившем лишние светила. С этим же мифом соотносится идея смерти-возрождения. Нанайская традиция связывает само происхождение петроглифов с эпохой трех солнц.

¹ Кабо В. Р. Мотив лабиринта в австралийском искусстве и проблема этногенеза австралийцев.— В кн.: Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов (Сб. МАЭ, т. XXIII). М.—Л., 1966, с. 254—267.

² Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971, с. 90—123; *его же*. Лики древнего Амура. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968; Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1973, с. 160—170; Деревянко А. П. В краю трех солнц. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1970.

Этот миф в разных вариантах зафиксирован у всех народностей Приамурья: нанайцев, ульчей, удэгейцев, нивхов, орочей. Есть записи П. П. Шимкевича, Л. Я. Штернберга, Е. А. Крейновича, В. А. Аврорина и Е. П. Лебедевой, В. Г. Ларькина, И. А. Лопатина³, но наиболее подробный вариант записан и опубликован Б. Лауфером в 1899 г.: «В начале света жили три человека: Шанвай, Шанкоа, Шанка. Однажды три человека послали трех лебедей нырять, чтобы достать для земли камней и песка. Птицы нырнули. Семь дней были под водой. Вышли, смотрят, земля растет. Амур течет. Тогда три человека сделали человека по имени Кадо и женщину Джулчи. Потом деву по имени Мамилжи. Народ размножился и занял всю территорию, соседнюю с Амуром. Кадо сказал: „Есть три солнца на небе. Невозможно жить, слишком жарко. Я хочу застрелить солнце!“ Его жена сказала ему: „Иди“. Кадо пошел к восходу. Вырыл яму, спрятался в ней. Увидел, как взошло первое солнце, и застрелил его. Выстрелил во второе солнце, но мимо. Третье убил. Вернулся домой — не так жарко. Мамилжи сделала рисунки на камнях. Джулчи сказала: „Теперь люди будут видеть, что мой муж убил два солнца“»⁴.

Стрелок Кадо (Ходай — по И. А. Лопатину, Хадау — по В. А. Аврорину и Е. П. Лебедевой) — культурный герой, известный в разных вариантах солярного мифа от Суматры до Калифорнии⁵. В ороческом варианте он создал еще семь воронов и семь орлов⁶.

Среди петроглифов Сакачи-Аляна, Шереметьевского, Кии, Калиновки нет достоверного сюжета с образом стрелка. Только на камне № 63 в Сакачи-Аляне как будто изображен лучник, стреляющий в лося или оленя с семью отростками на рогах и тремя концентрическими кругами на боку. А. П. Окладников привел прорисовку⁷, но на фотографии лучник практически не просматривается⁸. Зато здесь есть солярные знаки, а на камне № 9 — фигуры трех воронов⁹ (рис. 1, 1); ворон же в ряде дальневосточных мифов — символ солнца. Воронов три, а не два, как в корейской мифологии (оба ворона — супруги солнца)¹⁰ и они не трехлапые, как на когуреских фресках V—VII вв. и в китайской мифологии и символике¹¹. Амурские варианты сближает с корейской и японской мифологией представление о солнце как женщине¹². Лебеди (гуси, утки) на амурских петроглифах зафиксированы еще Б. Лауфером и Н. Альфтаном, есть сюжеты с тремя птицами (рис. 1, 2, 3)¹³, но попытки опознать антропоморфные персонажи мифа о стрелке до сих пор, кажется, не предпринимались.

Руки с тремя и четырьмя пальцами на вознесенновской вазе показывают (нивхская числовая символика), что изображены мужчины и жен-

³ См.: *Окладников А. П. Лики древнего Амура...*, с. 163—169; *Смоляк А. В. Представления нанайцев о мире.* — В кн.: *Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера* (вторая половина XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1976, с. 132—136, 160; *Киле Н. Б. Лексика, связанная с религиозными представлениями нанайцев.* — Там же, с. 196.

⁴ Цит. по: *Окладников А. П. Лики древнего Амура...*, с. 163—164.

⁵ *Юань Кэ. Мифы древнего Китая.* М.: Наука, 1965, с. 175—195; *Эберхард В. Китайские праздники.* М.: Наука, 1977, с. 94; *Мифология древнего мира.* М.: Наука, 1977, с. 390—391; *Мифы народов мира. Т. II.* М.: Сов. энциклопедия, 1982, с. 462.

⁶ *Ороческие сказки и мифы/Сост. Лебедева Е. П., Аврорин В. А.* Новосибирск: Наука, 1966, с. 193—194.

⁷ *Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура...*, с. 36—37, табл. 71.

⁸ *Окладников А. П. Древнее искусство Приамурья.* Л.: Аврора, 1981 (на англ. яз.), фото на рис. 44.

⁹ Там же, рис. 52.

¹⁰ *Никитина М. И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом.* М.: Наука, 1982, с. 138.

¹¹ См.: *Фрески периода Когуре.* Пхеньян: Редакция альбомов управления по хранению памятников культуры КНДР, 1979, с. 75 (на русск. яз.); *Сычев Л. П., Сычев В. Л. Китайский костюм. Символика. История. Трактовка в литературе и искусстве.* М.: Наука, 1975, с. 28, табл. I, слева вверху.

¹² *Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования.* Владивосток, 1922, с. 231; *Никитина М. И. Указ. раб.*, с. 91—176.

¹³ *Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура...*, табл. 118, 129.

Рис. 1. Петроглифы Амура и Уссури: 1, 4, 7 — Сакачи Аляя; 2, 3 — Шереметьевское

щины (рис. 2, 5). Пол первых людей: Шанвай, Шанкоа, Шанка в тексте мифа не оговорен (возможно, это зооморфные существа) (рис. 2, 1, 6), допустимо предположение, что три сохранившиеся личины — это стрелок Кадо (Ходай), его жена Джулчи и дева (сестра) Мамилжи (Мяменди). В таком случае личина с продолговатыми глазами («рыбками») — мужская (рис. 2, 2), а две личины с круглыми глазами — женские (рис. 2, 3, 4). Одна из женских личин, как и мужская, имеет сердцевидную форму, другая — овальную. По какому признаку: родство (сестра) или брак (жена) сближены мужская и женская личины¹⁴, мы не знаем, но вероятнее по признаку брака. На отсутствующих частях вазы могли быть изображены и остальные персонажи мифа: Шанвай, Шанкоа, Шанка, лебеди, солнца (вороны — или змей? — змей-супруги ассоциировались с солнцем у айнов¹⁵). Ваза в целом — ритуальный сосуд с иллюстрациями мифа о солнечном стрелке. Если догадка автора получит новые подтверждения, вознесенская ваза станет ключом к дешифровке части петроглифов. С «личиною Кадо» сближаются изображения Сакачи-Аляя, показанные А. П. Окладниковым в книге «Петроглифы Нижнего Амура» на таблицах 25, 26, 62, 64, 82, 85, 98, 115, 116, и Шеметьевского (таблицы 124, 131), к изображению «жены Джулчи» близкие таблицы 57, 117 (?), 124; «сестры Мамилжи» — 19, 21, 63 (рис. 1, 4—7)¹⁶.

Цепочка допущений состоит из следующих звеньев. 1. Неолитический возраст и вероятная принадлежность кондонской археологической культуре петроглифов Сакачи-Аляя и Шереметьевского доказываются находками в Кондонских слоях личин, скульптуры, выполненных в тех-

¹⁴ Окладников А. П. Древнее искусство Приамурья..., рис. 18.

¹⁵ Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933, с. 571—572.

¹⁶ Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура...

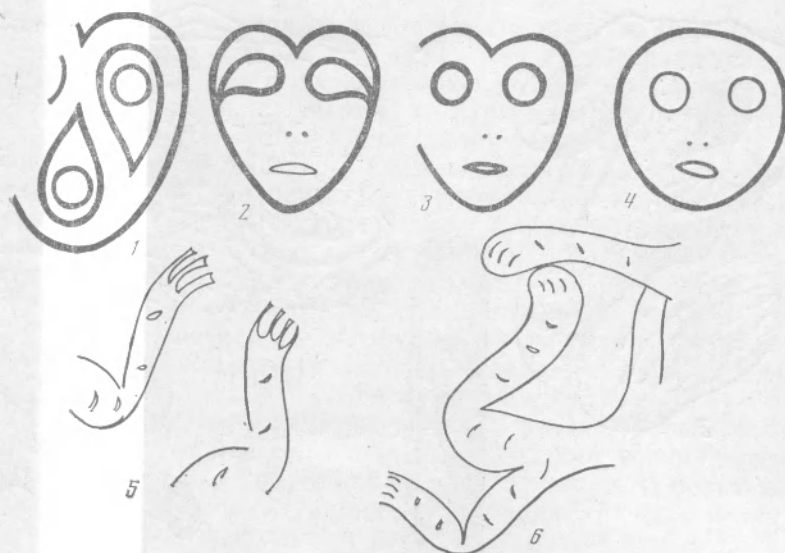

Рис. 2. Изображения на керамической вазе из Вознесенки (Нижний Амур)

нике рельефа желобками. 2. Мифологический контекст наскальных рисунков и их соотнесение с амурским космогоническим солярным мифом, доказываемое сочетанием рисунков водоплавающих (лебедей), антропоморфных личин, воронов, солярных знаков, а также устной традицией, соединяющей петроглифы и миф. 3. Ритуально-мифологический смысл изображений на вазе из Вознесенки подчеркнут сложностью и высокохудожественным уровнем рельефно-скульптурных изображений, соотнесенность с солярным мифом — ярко-красной окраской, красными кругами-глазками. 4. Мотив и стиль личин вазы, очевидно, един с мотивом и стилем личин петроглифов. 5. Нивхская числовая символика (три — мужчина, четыре — женщина) используется для трактовки персонажей вазы как разнополых. 6. По форме глаз личин на вазе (см. рис. 2) соотношение изображений 2:1 — два изображения с круглыми глазами и одно с продолговатыми, что согласуется с полом персонажей мифа — две женщины, один мужчина. 7. Таково же соотношение изображений по рисунку лба — два с треугольным вырезом на лбу, одно с округлым лбом. Допущения 1—7 дают основание для предположения, что на вазе изображен сюжет мифа, личина с продолговатыми глазами (мужчина) — солярный стрелок.

Принципиально важны несколько моментов. Ваза, как и другие вещи из культурного слоя, датируется. Принятая в настоящее время датировка IV—III тысячелетиями до н. э. имеет, безусловно, предварительный характер, но уточнение возраста — решаемая задача. Хронологические реперы при изучении мифологии переоценить трудно. Вторым моментом — принципиальная возможность чтения серии петроглифов и находок как контекста в сопоставлении с позднейшими записями мифов и изучение мифов в развитии. Третий фактор — сохранение в устной традиции приамурских этносов локального варианта мифа о стрелке, восходящего к неолиту, что подтверждает глубокую древность еще одного элемента их культуры. Новую информацию может дать просмотр этнографических коллекций и сравнение антропоморфных изображений на женских и мужских вещах. Если наша цепь допущений получит подтверждение в новых материалах амурского неолита, миф о стрелке и множестве солнц приобретет на Амуре самую раннюю из существующих датировок: вплоть до V тысячелетия до н. э.

В сравнительном плане возможность соотнести текст мифа и археологические объекты может быть показана еще на примере поселения

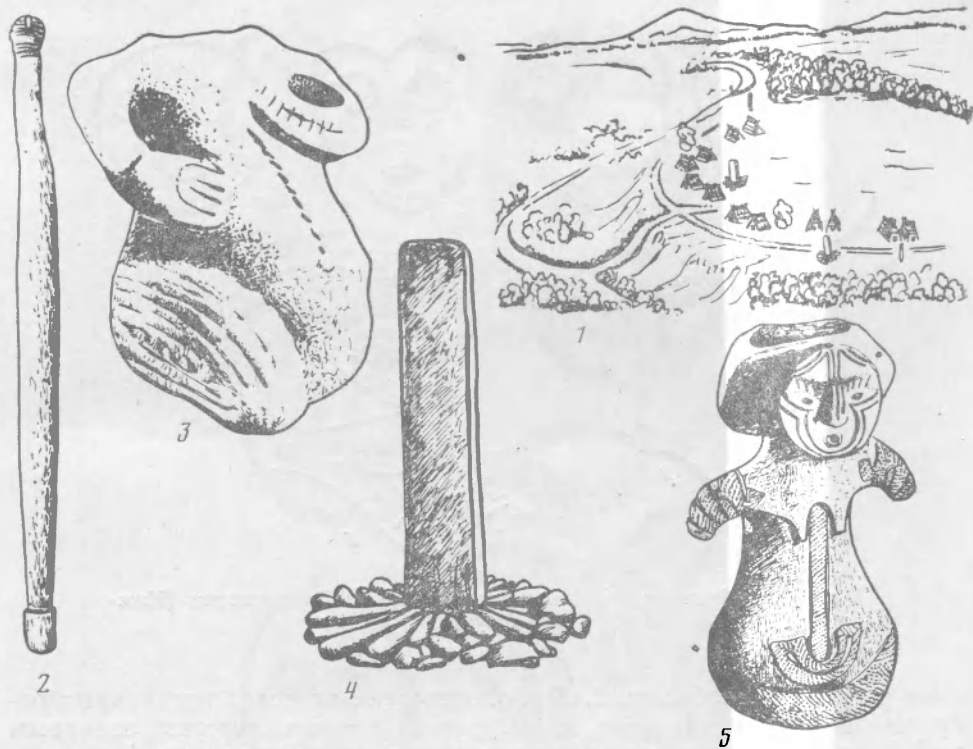

Рис. 3. Расположение ритуальных объектов в пос. Ескэонэ: 1 — пос. Ескэонэ; 2 — сэкибо; 3, 5 — керамический догу; 4 — каменный столб

среднего дземона Ескэонэ и мифа о Женщине-Солнце. Поселение Ескэонэ раскопано в префектуре Нагано, у подножия гор Яцугадакэ, на западе о. Хонсю. В этом районе обнаружены следы неолитического земледелия. Поселок состоял из 12 домов (рис. 3, 1), располагавшихся попарно вдоль края террасы. Дома вытянулись дугой в одну линию. Возле каждой пары домов находился один ритуальный предмет, с востока на запад эти культовые предметы располагались в следующем порядке: сэкибо (изображение фаллоса из камня) — догу (глиняная женская фигурка) — каменный столб — догу — каменный столб — сэкибо¹⁷. В таком расположении объектов, несомненно, заключена определенная информация о семантике каждого предмета и их ряда в целом. Какая? Представляется допустимым сравнить ряд в Ескэонэ с сюжетом мифа, известного в японской мифологии и расшифрованного М. И. Никитиной на основании песен-хянга в корейской мифологии¹⁸. Миф включает сюжет, как муж и жена после ссоры по очереди переправляются через какое-то разделяющее их водное препятствие (пролив, река); все переправы «работают» в направлении запад — восток; средством переправы служат скала (камень, столб) или рыба (черепашка, крокодил, корабль, который несли рыбы). На востоке происходит примирение супругов, рождается и восходит солнце.

В сказаниях о Ено («Расширяющаяся ворона») и Сео («Сужающаяся ворона»), помещенных в «Самгук юса», сначала на скале отправляется из Кореи в Японию муж, затем тем же способом его жена Сео¹⁹. Жену можно соотнести с Солнцем, то же в японском мифе о Сусаноо и Аматэрасу. М. И. Никитина предполагает, что есть в «корейской и япо-

¹⁷ Чан Су Бу. Жилища и поселения позднего дземона Хоккайдо. — В кн.: Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток: Дальневост. науч. центр АН СССР, 1978, с. 41—43, рис. 2, 2.

¹⁸ Никитина М. И. Указ. раб., с. 77, 78, 103—116, 133—146.

¹⁹ Никитина М. И. Указ. раб., с. 133—134, 138.

ской архаической традиции представления о том, что Солнце — женщина и что в эпизодах супружеского разрыва и возвращения отражен момент заката Солнца и его возвращения утром»²⁰, и далее видит в мифе о Женщине-Солнце общую модель функционирования космоса в целом и в то же время модель жизни каждого человека²¹.

Если мы посмотрим на ряд в Ёскэонэ с запада на восток, то его легко представить в следующем виде: сэкибо (муж) — столб (скала, средство переправы) — догу (жена, Женщина-Солнце) — столб (средство переправы) — догу и сэкибо (жена и муж, соляная семья, вновь рождающая солнце). Сопоставление такого явно не плавающего предмета, как каменный столб, со средством переправы не столь уж редко в мифологии и встречается от Скандинавии до Океании и Индонезии²². Напрашивается вывод, что неолитические женские фигурки-догу — прообраз Аматаэрасу, а сэкибо — ее буйного супруга Сусаноо²³.

Некоторые догу соответствуют эпизоду, когда Аматаэрасу по бедра уходит в землю²⁴, и вид ее напоминает мощного воина²⁵ (рис. 3, 5). Разумеется, и этот ряд допущений требует проверки. В большом разнообразии типов догу и в ситуациях их обнаружения (поломаны, похоронены²⁶) отразились не только миф о Женщине-Солнце, но и другие мифы и ритуалы.

В Кондоне, на Нижнем Амуре, в неолитическом жилище № 3, где найдена керамическая фигурка, изображающая молодую женщину, обнаружен также фаллос из камня²⁷. Были здесь и отдельные камни, т. е. в жилище вознесенской неолитической культуры (IV—III тысячелетие до н. э.), с которой и связана ваза из Вознесенки, найден комплекс вещей, представляющий половину ряда из Ёскэонэ, а это означает, что в одной археологической культуре Приамурья встречаются два соляных мифа: о космическом Стрелке и Женщине-Солнце, изображением которой и является, очевидно, фигурка из Кондона.

В двух рассмотренных примерах структура текста сопоставлена со структурой археологического объекта, в первом по схеме: текст — петроглифы — отдельный предмет — текст; во втором: текст — ряд предметов, найденных *in situ* в закрытом комплексе, — текст. Возможны и другие варианты, например прямое сравнение текста с целым уникальным предметом типа вознесенской вазы. Отдельно взятые вещи выводят нас на уровень предварительных наблюдений; их «прочтение» возможно только в комплексе типа Ёскэонэ. В конечном счете за любым знаком: орнаментом на сосуде, желобками на каменном диске — скрываются мысли, чувства, ритуальные действия людей.

Показать принципиальную возможность их «чтения» (в плане постановки задачи) и было целью автора.

²⁰ Там же, с. 137.

²¹ Там же, с. 146.

²² Петрухин В. Я. Погребальная ладья викингов и «корабль мертвых» у народов Океании и Индонезии (опыт сравнительного анализа). — В кн.: Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М.: Наука, 1980, с. 79—89.

²³ Никитина М. И. Указ. раб., с. 104; Мацокин Н. П. Японский миф об удалении Аматаэрасу в небесный грот и солнечная магия. — Изв. Вост. ф-та Гос. Дальневост. ун-та. Т. 66, в. 3. Владивосток, 1921; Сондерс Э. Д. Японская мифология. — В кн.: Мифология древнего мира. М.: Наука, 1977, с. 411—416; Воробьев М. В. Некоторые черты древней японской культуры в свете типологического анализа. — В кн.: Страны и народы Востока. В. XXIII. М.: Наука, 1982, с. 135—137.

²⁴ Памятники древней истории. Т. 3. Токио: Коданся, 1973, рис. 36, 37 (на японск. яз.).

²⁵ Сондерс Э. Д. Указ. раб., с. 415.

²⁶ Чан Су Бу. Искусство позднего дэмона Хоккайдо. — В кн.: У истоков творчества. Новосибирск: Наука, 1978, с. 175.

²⁷ Окладников А. П. Древнее поселение Кондон (Приамурье). Новосибирск: Наука, 1983, с. 18—19.